

т. Громыко вносит предложение изложить план разоружения (новый) на сессии Верховного Совета.

Согласны с предложениями. Вторая позиция сильнее первой.

МИДу разработать директивы, тактику, аргументацию, первую [и] вторую позиции.

Срок — неделя.

МИДу и МО переработать.

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1011. Л. 5. Фиолетовые чернила.

№ 211

Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «О директивах советской делегации в Комитете десяти по разоружению»^а

1 февраля 1960 г.

ХРУЩЕВ. У меня есть такое мнение, что надо нам запасную позицию подготовить. Я недостаточно изучил предложения Франции. Французы стоят на таких позициях, чтобы начать разоружение с ракетного оружия и бомбардировочной авиации. Мне это тоже нравится. Это, собственно, не французская позиция, это наша позиция, мы ее только забыли, она нами раньше выдвигалась, несколько лет тому назад с тем, чтобы начать с разоружения.

Когда мы разрабатывали в 1955 году эти предложения, мы тогда внесли предложение уничтожить бомбардировочную авиацию, контролеров на авиационных базах посадить, на железнодорожных узлах иметь контролеров¹. Все это к этому относится: и вывод войск в пределы национальных границ, и ликвидация баз.

Собственно, если рассматривать предложения де Голля сейчас, почему он берет ракетную технику и авиацию? Для Алжира нужна пехота и он не может сейчас сокращать пехоту, ему нужно время с тем, чтобы закончить с войной в Алжире. Ракеты и бомбардировщики там не применяются, да и у них ракет нет, и бомбардировщиков тоже нет, бомбардировщики были американские. Он эту цель преследует. Мы по другим соображениям это выдвигаем, но мы можем солидаризироваться с де Голлем в своих позициях.

Мы сейчас завоевали очень высокое признание ракетной страны с ядерными зарядами. Мы внесли предложение, остановившись на завершающем этапе разоружения. Поэтому нас стараются упрекнуть, что мы де мол не сокращаем вооружение, а перевооружаемся на новом, более

^а В заголовке использовано название пункта № 1 протокола № 262 заседания Президиума ЦК КПСС от 1 февраля 1960 г. (см. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1011. Л. 5). Заголовков документа: «Заседание Президиума 1 февраля 1960 г.».

высоком техническом уровне, сохраняем ядерное оружие и ракеты с тем, чтобы весь мир держать под ударом ракет.

Давайте иметь запасную позицию: мы готовы в первую очередь начать разоружение за счет уничтожения ракет, ядерного вооружения, бомбардировочной авиации и ликвидации военных баз на чужих территориях. Это, собственно, разоружение всех военных союзов, потому что, что значит ликвидировать базы? Это полетят НАТО, СЕАТО, СЕНТО. А этого нам и надо, это наша заветная мечта. Это очень сильный удар, это неожиданный удар сзади, потому что все они сейчас готовятся и ведут борьбу с этих позиций, готовятся для атаки в Женеве. А мы посмотрим сперва, выдвинем нашу основную позицию, а потом пройдет какое-то время, мы раз – и на 180 градусов мы свою позицию поворачиваем и предлагаем это. Это будет очень сильный удар, и мы от этого только выиграем. Мы стоим на позициях разоружения и обеспечения мира во всем мире. Если бы они приняли наши предложения, то мы уничтожим бомбардировочную авиацию и поставим на заводах контролеров, даже на заводах ставить контролеров нет необходимости, тут надо просто разрушить бомбардировочные аэродромы.

МИКОЯН. Контрольные аэродромы надо оставить.

ХРУЩЕВ. Они не нужны, так как никаких целей не имеют. Что значит разрушить? Это значит вывести их из строя; вывести из строя дальнюю и ближнюю бомбардировочную авиацию, уничтожить даже истребительную авиацию, потому что истребители могут быть превращены в ближние бомбардировщики.

На первых порах, может быть, сохранить зенитные средства, так как они являются сугубо оборонными, это как артиллерийскую, так и транспортную авиацию. Кроме того зенитные ракеты – это не нападающие средства.

Вот такова моя позиция. Если ее принять, тогда можно будет договориться, что и в термоядерных зарядах нет остроты, потому что они страшны только тогда, когда спарены, т.е. когда имеются бомбардировщики и ракеты.

Я считаю, что эта позиция найдет отклик у американского обывателя. Ведь он сейчас дрожит – первый раз в жизни начал дрожать, потому что появились баллистические ракеты, появилась межконтинентальная ракета, которая может достигнуть американских городов.

МИКОЯН. Им на голову может бомба упасть. Такого еще не было.

ХРУЩЕВ. Выступить с таким предложением очень заманчива. Особенно заманчиво это для Америки.

МИКОЯН. Да и малые нации обрадуются.

ХРУЩЕВ. Я говорю только об Америке, не затрагивая другие страны. Они, конечно, вздохнут свободно, а американцы скажут – русские предлагают, а то русские предлагают сократить авиацию, предлагают сократить военно-морской флот, а он нам не опасен; а вот межконтинентальную ракету, которая нам страшна, они сохраняют. А это действительно страшная вещь. Поэтому наше новое предложение найдет слушателей и полное понимание. Когда мы предлагаем уничтожить все баллистические и прочие ракеты, уничтожить все бомбардировщики, истребители, – это исключит всякие случайности, которые могут быть.

Если даже сумасшедший придет к власти, но у него ножа нет, он не может быть опасен, а пока он начнет нож точить, то увидят, что он сумасшедший и его можно будет связать.

Вот эту позицию я хотел доложить Президиуму. Я вчера внимательно прочитал записку МИДа² и считаю, что она составлена лениво, здесь не отражены наши предложения, сказано, что мы сокращаем наши вооруженные силы в одностороннем порядке, но не сказано, какова наша позиция. Тут надо не только сказать, — это сказано на сессии Верховного Совета, — но и признать.

Так, следовательно, вопросы тактики, вопрос контроля — все это надо разработать, а здесь ничего этого нет. Тут не отражено. Это зафиксировано на сессии и в моем докладе опубликовано и сказано: руководствоваться докладами Хрущева. Но, товарищи, эта тактика требует другого. Надо подумать, как даже эту позицию защищать, она у нас лениво разработана. Сейчас они от нас ждут новых ходов, а мы, собственно, остаемся при старом ходе.

Вы пишете — надо сокращать, но мы уже сократили до пределов, которые они ставили. Так как теперь быть с контролем нашего разоружения? Они начинают сокращать, и мы будем сокращать, и тогда мы допускаем контроль. Но мы без их согласия проведем сокращение без контролеров. Это надо преподать. Даже старая позиция, если говорить, ленивая позиция. Здесь позиция, которая зафиксирована в Завидове, когда мы готовили доклад о разоружении³. Там повторили все старое: ссылаются, что Хрущев выступал там-то, там-то. Я не возражаю против этого, это не только мой доклад, это был доклад правительства, но произошли какие-то изменения и это новое сейчас здесь не отражено.

Я вчера читал. Во-первых, дайте Лоджа предложения⁴, чтобы мы изучили, какая позиция Англии, нет ли возможности искать каких-то щелей. Я, признаюсь, позицию Англии не знаю.

ГРОМЫКО. Ее фактически нет, предложений как таковых нет, это были рассуждения в самой общей форме.

ХРУЩЕВ. Так нельзя, надо сказать: какая наша атака против этого? Такая-то. Какие доводы? Такие-то доводы. Надо противопоставить, использовать слабости их. И французскую позицию я тоже не знаю.

МИКОЯН. Официальной позиции нет.

ГРОМЫКО. Предложений тоже нет, они высказывались в общей форме — начать, а к чему свести, не говорят. Они говорят, что следует начать со средств доставки. Но их план не исключает запрещения атомного оружия.

ХРУЩЕВ. Во-первых, атомного оружия у них нет, нечего сокращать. Они скажут, что у них нет этого оружия. Французы вообще против сокращения вооруженных сил, де Голль не хочет этого. Он сейчас не может существующей армией справиться с Алжиром, и он может сказать: что же вы хотите ликвидировать Французское Содружество? Нужно ли это читать, или же достаточно. Вы согласны с этим?

МИКОЯН. Я считаю, что первый бой нами был дан по схеме, которая оглашена в Организации Объединенных Наций⁵.

ХРУЩЕВ. Я говорю, что это запасная позиция.

МИКОЯН. Я согласен, что не надо повторять.

ХРУЩЕВ. На первом этапе мы сократили в одностороннем порядке.

МИКОЯН. И перевыполнили. Это – новая позиция. Если вернуться к старой позиции западников⁶, то речь будет идти о 1700 тысячах.

ХРУЩЕВ. Правильно, это их и наша позиция. У нас было 2,5 миллиона, потом 1800 тысяч.

МИКОЯН. Это усилит наше наступление, все увидят, что у нас уже начинаются практические шаги, а они пусть поспорят.

Здесь может пойти речь о тактике, как это сделать, чтобы был больший эффект. Комиссия будет заседать 15 марта. 15 марта Никита Сергеевич приедет во Францию, и бой будет идти по схеме, которую мы решили. Было бы очень хорошо, если бы Никита Сергеевич выяснил у де Голля его позицию, пусть она ее изложит.

ХРУЩЕВ. Он рассчитывает, что мы сократим баллистическое оружие.

МИКОЯН. Пусть он разовьет свою позицию. Мы можем сказать: вот наши предложения, но все зависит от западников. Если они с нами согласятся, то мы готовы на большее. Надо, чтобы поднятый вопрос укрепился в сознании, чтобы увидели, что он поднял эту идею а мы поддержали. После этого Комиссия выступит с более подробным планом.

Тов. Громько правильно сказал, что американцы никогда не пойдут на уничтожение атомного оружия сегодня. Тут нужно сказать, что поскольку вы не готовы к ликвидации атомного оружия, то они останутся, но без средств доставки.

ХРУЩЕВ. Они могут сказать о подводном флоте, а мы на это от ветим, что согласны уничтожить подводный и надводный флот.

МИКОЯН. Правильно, средства доставки ликвидировать, а атомное оружие на первом этапе останется, но оно не опасно.

ХРУЩЕВ. Атомные средства останутся.

МИКОЯН. Пускай останутся, но средства доставки ликвидируются в первую очередь. Тогда мы облегчим нашу позицию. Они могут не принять нашу позицию, но и в этом случае мы останемся в выгодном положении. Мы пошли на сокращение пехоты, где мы сильнее всего. Теперь говорят, что у нас ракеты, поэтому мы и сокращаем пехоту. Но мы и ракеты сокращаем. Таким образом, всякие попытки обвинить нас в двурушничестве отпадают.

И тогда они расшатаны будут, они тогда вынуждены будут искать новых позиций. Американцы не выработали своей позиции. Когда они выработают, время потребует нового. Они не смогут быстро ориентироваться, они будут тянуть.

ХРУЩЕВ. Им очень сложно разработать свою позицию. Они сейчас торгуются. Они сторгуются, а мы ее опрокинем.

МИКОЯН. Сегодня из Лондона телеграмма, что китайский посол передал нашему послу, что западники будут тянуть по мотивам того, что в Китае не решен вопрос⁷. Но в этом виноваты западники, если не пригласают.

Я думаю, что предложение правильное, хорошее, поручить разработать это и здесь тоже пересмотреть кое-что. В старую схему следует внести новые элементы, подготовить запасную позицию, вторую позицию

применительно к французской позиции. По-моему, после этого мы будем держать инициативу разоружения в своих руках еще больше, будем бить справа и слева.

ХРУЩЕВ. Мне понравилась эта идея, потому что она усиливает наши позиции, а мы ничего не теряем.

АРИСТОВ. Выдвигая такую идею, они считают, что это наиболее сильная сторона против нас, и, видимо, они считают, что мы на это дело не пойдем.

ХРУЩЕВ. Мы предложили, но не сказали о ракетах.

АРИСТОВ. Мне кажется, что при всех вариантах нам обязательно нужно ликвидировать базы, на которые опирается Америка в Европе, на Востоке, потому что с баз оружие можно доставить и на У-2⁸. Я это просто, к примеру, говорю.

ХРУЩЕВ. Базы можно ликвидировать, но если на У-2 можно подвезти, тогда значит можно с кукурузного или с картофельного поля.

АРИСТОВ. Какой-то вид самолета может и доставить.

ХРУЩЕВ. Бомбардировщики и истребители будут уничтожены. Останется транспортная авиация. Я говорю, что артиллерия должна остаться, зенитная и ракетная техника должны остаться. Это средства защиты. А кто предлагает базы оставить? Я с этого начал, что базы надо ликвидировать, войска вывести в пределы национальных границ.

МИКОЯН. Если в первой стадии пехотные войска вывести в свои границы, они будут думать, что это не...⁸ Мы можем не требовать вывода пехотных войск.

ХРУЩЕВ. Я считаю, что сперва потребовать, а потом отступить. Они могут сказать, что они не могут. Во-первых, мы предлагаем сократить еще, мы согласны контролеров иметь при пехотных войсках. Мы хотим уравновесить соотношение сил, это же очень хорошо.

Если они не согласятся, мы считаем возможным ликвидировать морские бассейны, аэродромы и подводный флот, вооруженный ракетами, — подводный флот и надводный.

БРЕЖНЕВ. Я целиком разделяю это предложение Никиты Сергеевича и считаю его удачным и сильным. Но мне хотелось бы, чтобы тов. Громыко при разработке этого поручения учел одно обстоятельство. Если это пойдет по Комитету десяти⁹ и по прочим дипломатическим каналам, то это не будет иметь такого эффекта, как это было в Америке, когда Никита Сергеевич от начала до конца пронизал свою поездку разоружением и завершил это выступлением в ООН¹⁰. Этим он произвел огромное впечатление на всю мировую общественность, на американский народ и на всю внешнюю политику.

Поездку Никиты Сергеевича во Францию можно считать как бы продолжением поездки в Америку в том смысле, что политика не меняется, мы добиваемся всеобщего разоружения, тем паче, что работа Комитета десяти совпадает с приездом Никиты Сергеевича во Францию. Нельзя ли продумать вопрос таким образом, чтобы в середине срока пребывания Никиты Сергеевича во Франции, он при удобном случае произнес бы речь.

ХРУЩЕВ. Я считаю это возможным.

⁸ Пропуск в документе.

БРЕЖНЕВ. Это было бы очень интересно и сильно.

ХРУЩЕВ. Это можно сделать в конце срока.

БРЕЖНЕВ. Это поднимет весь рабочий класс и всю общественность Франции. Мне кажется, все это можно учесть и даже день назначить. Мы имеем данные работы Комитета десяти – там идет такая возня.

ХРУЩЕВ. Это неплохое предложение.

БРЕЖНЕВ. В этой связи надо было бы сделать так, чтобы по линиям Громыко все переговоры носили такую форму, чтобы до выступления Никиты Сергеевича не разоблачить существа дела.

ИГНАТОВ. И после выступления Никиты Сергеевича разработать детали в Комитете.

ХРУЩЕВ. Я публикую это для мировой общественности, а наш представитель вносит официальное предложение. Это с точки зрения пропагандистского эффекта сильнее.

МИКОЯН. Может быть, нашей делегации за 10 дней выступить по старой схеме.

ХРУЩЕВ. Это трудно сделать.

ГРОМЫКО. Насчет военных авиационных баз. Я думаю, что этот вопрос решится сам собой, потому что если будут сокращены и ликвидированы бомбардировщики и вообще военная авиация, то фактически военных авиационных баз не будет. И мне кажется, что тот вопрос, который товарищ Аристов поднял, на первый взгляд возникает, но мне кажется, что он решается. Останутся, возможно, аэродромы, но, может быть, мы должны пойти несколько дальше. Собственно, ваше предложение решает вопрос об аэродромах.

Вопрос о складах, поскольку они связаны со средствами авиации.

ХРУЩЕВ. Что вы будете делать с бомбами, если не будет ракет, самолетов. Мы согласны, например, уничтожить их. Но они не соглашались. Поэтому мы считаемся с этим и считаем, что, возможно, сейчас не нужно поднимать этот вопрос.

ГРОМЫКО. И вопрос о складах, в конце концов, когда углубляешься в это дело, должен решиться. Склады являются составной частью военной авиации, а мы сами допускали контроль над этим делом. Я считаю, что вопрос об авиационных военных базах должен решаться, и он решается. А какие же американские базы? Это авиационные базы.

Теперь, Никита Сергеевич, если я правильно Вас понял, Вы допускаете возможность все это решать при оставлении ядерного оружия. Или с ликвидацией?

ХРУЩЕВ. Я считаю, что с ликвидацией, но если они будут сопротивляться, не делать этого предметом разрыва.

ГРОМЫКО. Они говорят: мы предлагали ликвидировать ядерное оружие и ракетное. Они не пошли. После этого предлагали начать с обычного вооружения – они опять не пошли. Я хочу подчеркнуть, что мы предлагали ликвидировать ядерное и ракетное оружие, но о флоте не говорили, о подводном флоте также не говорили. Сейчас это вносит новый элемент.

ХРУЩЕВ. Тогда не было подводного флота с ракетной техникой с атомными двигателями. Теперь подводный и надводный флот другой, он получил ракеты.

ГРОМЫКО. Они на первый вариант с ликвидацией ядерного оружия категорически не пойдут, а второй вариант усиливает наши позиции, а их ослабляет. Что значит ядерное оружие в Соединенных Штатах на складах без заправочной авиации? Ничего. Оно будет заморожено.

Я целиком одобряю предложение Никиты Сергеевича и считаю его правильным. Я могу здесь высказать лишь тактические соображения: может быть сразу делать такое предложение невыгодно; в первоначальной стадии — в Комитете десяти, потому что наше предложение о всеобщем разоружении качественно новое, оно так взбудоражило, что его политическое значение не исчерпано, мы лишь только начинаем пользоваться этим делом. И здесь надо не продешевить. Мне кажется, будет правильнее сделать так: дать возможность размотать их позицию в этом Комитете, а во время поездки Никиты Сергеевича во Францию лучше прислушиваться к позиции французов, а наш план не выкладывать, по крайней мере несколько месяцев, может быть, до следующей осени или, в крайнем случае, до совещания в верхах держаться на этой позиции. Она очень выгодна, потому что качественно новая.

Правильно говорит Леонид Ильич, что это будет крупный ход и по содержанию, и по значению, и по форме, и что он заслуживает того, чтобы на очередной сессии Верховного Совета СССР выложить этот наш план, который прозвучит на весь мир.

МИКОЯН. Может быть, оставить до совещания в верхах.

ГРОМЫКО. Лучше в Верховном Совете, так как совещание в верхах продлится не больше недели, а с трибуны Верховного Совета это прозвучит на весь мир. И поставить так вопрос — на выбор. Если западные державы не готовы к нашему плану о полном разоружении, то вот вам замена этого плана. Это будет непройденный этап. Мы не будем отказываться, будем защищать этот план, но у нас будут их возражения, их аргументы. Мы будем уже действовать с учетом всего этого. По-моему, это должно быть поставлено на сессии Верховного Совета.

КОСЫГИН. Вопрос потенциала. При ракетной и авиационной технике имеет колоссальное значение потенциал промышленности. Вы правильно говорили, что нужна гарантия в отношении того, что будет ликвидирован сам потенциал возможности производства ракет и авиации. И вопрос, связанный с контролем, должен быть разработан, потому что одна сторона может полностью ликвидировать потенцию, а другая может сохранить и в какой-то небольшой срок может восстановить промышленность.

ХРУЩЕВ. Это они перед нами поставят.

ИГНАТОВ. Никита Сергеевич в Америке изложил программу о всеобщем и полном разоружении. Он предложил сделать это по этапам. Сейчас он высказал замечательную мысль, что мир живет этой программой. Но мы нащупали настроения в США и везде, они не идут на полное и всеобщее разоружение. После того, как мы на сессии объявили об одностороннем сокращении вооруженных сил, сказали это для своего народа, то они говорят, что этим мы не снижаем нашу обороноспособность.

ХРУЩЕВ. Мы так сказать не можем, а они используют это против нас.

ИГНАТОВ. Никита Сергеевич правильно сказал, что у нас готовится еще более страшное оружие. И вот они ждут этого более страшного.

Американцы даже начинают говорить о наших испытаниях ракет в Тихом океане. Они эти испытания дважды проверили, они уловили своими средствами и зафиксировали эти испытания. Никита Сергеевич правильно говорит, что это все время будоражит народ.

Я считаю, что об этом нужно от имени партии и правительства сказать во Франции. Чего они сейчас боятся? Они боятся, что мы перевооружаем армию, что у нас высоко развито производство ракетной техники с головкой водородной и атомной. Они все это знают. И вот теперь они говорят: – что же, сокращают армию. Но зачем? Это не имеет значения для нас. И поэтому мысль, чтобы выбить всякую почву у них из-под ног, сказать им – чего вы боитесь? – правильная. Мы сильнее вас в ракетной технике? Пожалуйста, (тем более, что такая зацепка есть, во Франции так думают), – мы предлагаем начинать с ликвидации баз носителей авиации, баз подводных лодок. Это все будет приближать нас к тому, что мы действительно практически подходим к разоружению, как Вы изложили в общей программе, по этапам к разоружению.

Я считаю, что на Совещании в верхах, там действительно нечего говорить об этом. Там консультанты, советники.

ХРУЩЕВ. Там не положено говорить таких речей, там слушать не будут.

ИГНАТОВ. Я думаю, что во Франции побудете семь дней, потом в течение последних трех свое пребывание завершите новым предложением.

ХРУЩЕВ. Может быть, на пресс-конференции сказать.

ИГНАТОВ. Это очень выгодно и для мира, и для людей, которые еще не совсем понимают, ищут пути для того, чтобы поддерживать «холодную войну».

МУХИТДИНОВ. Это очень большой и исключительно важный вопрос, который следует огласить не на заседании, а публично перед всем народом, чтобы весь мир сразу знал. Здесь хорошо сочетаются три вопроса: ракета, средства доставки и базы. Главный козырь против планов всеобщего разоружения у западников – это ракета. И самые сильные в этом мы.

Мне кажется, вносится правильное предложение внести такое предложение во время визита Никиты Сергеевича во Францию.

ХРУЩЕВ. Я хочу ответить на замечание тов. Громыко с тем, чтобы этот вопрос был ясен. Тов. Громыко и тов. Микоян говорят, что мы уже делали такое предложение, но качественно наше новое предложение другое, чем было тогда. Тогда у нас не было ракетной техники, в бомбардировочной авиации американцы считали себя сильнее, чем мы, и тогда Америка была на недосягаемом расстоянии от нас. Поэтому ликвидация военных авиационных баз в Европе – это их уступка нам, а взамен^а ничего не получали, потому что, по их мнению, у нас не было авиации. И действительно, она у нас была слабая, если говорить о межконтинентальных бомбардировщиках. У них ее тоже не было, но они в более выгодном положении, так как имеют базы и с этих баз могли бы запустить. У нас нет баз, близких к Америке. Теперь это преимущество, которое они имели раньше, мы ликвидировали, создали межконтиненталь-

^а В документе: «в замен».

ную баллистическую ракету. Поэтому можно считать, что сейчас это наше предложение не старое, а новое. По форме оно одно и то же, а по качеству другое. Поэтому сейчас и другое отношение. Если тогда в расцвете был лозунг проведения политики «с позиции силы» и «на грани войны», то сейчас они сбросили эту позицию и сами осудили ее. Автор этой позиции умер, и сама эта идея умерла¹¹. Поэтому они все буквально дрожат. Вот Рокфеллер справку дает насчет гражданской обороны, как людей спрятать от радиоактивных веществ¹². И вдруг мы заявляем, что готовы уничтожить баллистические ракеты и все ракеты. Зачем же тогда строить, если русские на это соглашаются? Давайте и мы согласимся, тут нечего выдумывать другого, а это другое и есть главное. И тогда мы через свои ракеты давим на вас путем угроз, то теперь они утерjali это, теперь мы им угрожаем тем, что мы их можем смести с лица земли, и вот теперь мы говорим, что то оружие, которое может смести вас с лица земли, мы хотим уничтожить. Это могучее средство и сильно воздействует на сознание каждого здравомыслящего человека, тем более что это наше предложение совершенно искреннее. Нам сейчас начали верить честные люди, что мы искренне хотим разоружения.

Я сегодня принимал посла Таиланда¹³. Таиланд не питает к нам уважения. Но когда я принимал посла, он благодарил за нашу политику, желал успехов и признает нашу деятельность, направленную на разрядку международной напряженности и на ликвидацию «холодной войны». Надо сказать, что Таиланд – это союзник Америки.

БРЕЖНЕВ. Мне думается, что такой подход к делу и объявление Никитой Сергеевичем этого во Франции, оно в значительной мере способствовало бы серьезному, деловому разговору уже глав правительств. Там не нужно будет длинной речи произносить, какую нужно произнести во Франции.

Что касается того, что мы должны еще ждать год для того, чтобы пользоваться этим рычагом, то я думаю, что стоит обратиться к прошлой практике нашей дипломатии, когда они год мусолят вопрос. Жизнь убедила нас, что постоянная инициатива и нажим действуют лучше, и в этом смысле выгоднее сделать так...

ХРУЩЕВ. Пустить это как таран.

БРЕЖНЕВ. Да. Это очень сильное средство, и нельзя год сидеть и ждать, пока общечеловечность мира будем привлекать. Это не боевая позиция, Андрей Андреевич.

И третье, это не сессионный вопрос. Если первый раз мы обращаемся с предложением прекратить ядерные испытания. Мы могли это предложить и осуществить? Мы так и сделали. Мы внесли предложение на сессии сократить армию. Мы так и поступили.

ХРУЩЕВ. Нам сессия может сказать, и за границей скажут – вы полномочия получили на полное разоружение. Сессия дала нам эти полномочия. Значит, если вы сейчас так говорите, значит, в целях пропаганды ставите этот вопрос.

БРЕЖНЕВ. Мне думается, что это не сессионный вопрос.

КОНЕВ. Я считаю, что новое наступление, причем самое мощное, которое подорвет буквально весь фронт – эта акция выше, чем сокращение 1 200 000 человек, потому что они говорят, что сокращаются сухо-

путные войска, они это обыгрывают и говорят – самое главное Хрущев пишет (весь мир в эту точку бьет), что самое сильнейшее в этом предложении – это наше преимущество, это наша сила. Об этом и в Америке говорят. В своей речи Гейтс^а дал объяснение, а после его объяснения положение ухудшилось, началось брожение, начались недовольства этим объяснением, большое напряжение создается.

В этом принципиальном, далеко идущем предложении мы имеем величайшую силу и, несомненно, завоюем народ, а капиталистов это потрясет.

Какое избрать время? Я считал бы по тактическим соображениям, лучше такие предложения провозглашать с русской земли-матери, чтобы чувствовать за собой силу, что это заявление происходит от правительства, ЦК. Это Ваш авторитет возвысит и произведет большее впечатление, чем перед Францией или иной иностранной аудиторией.

АРИСТОВ. Иметь французов на своей стороне тоже хорошо.

КОНЕВ. А все же с нашей земли сильнее.

БРЕЖНЕВ. А разве выступление Никиты Сергеевича в ООН не произвело впечатления? Помните, когда мы ехали с аэродрома, как люди руки просовывали к Никите Сергеевичу? С этим нельзя не считаться.

КОНЕВ. Наша советская трибуна сильнее.

ПОСПЕЛОВ. Предложение, которое вносится Никитой Сергеевичем, очень мощное и оно будет не менее сильным ударом, а может быть, более сильным, чем предложения на сессии, потому что действительно будет выбит последний аргумент из рук врагов, а народ повернется в нашу сторону.

Можно ли этот вопрос откладывать на год? Нельзя. Мы все делаем для того, чтобы мир наступил быстрее. Мне кажется, поездка Никиты Сергеевича во Францию явится для этого подходящим моментом. Де Голль выскажет свои соображения, которые дадут зацепку. Откладывать это дело не стоит. Если нельзя воспользоваться этим делом во Франции, то тогда на совещании глав правительств.

ХРУЩЕВ. Там нет трибуны и аудитории, там будут всего четыре человека.

ПОСПЕЛОВ. Тогда на пресс-конференции.

ХРУЩЕВ. На совещании глав правительств аудитория – это жены глав правительств, а эта аудитория не вдохновляет.

АРИСТОВ. По возвращении из Франции можно поставить вопрос на Верховном Совете и принять.

ХРУЩЕВ. На Верховном Совете этот вопрос ставить нельзя, к этому нет оснований, он уже одобрил вопрос о полном разоружении, ну и решайте.

ПОСПЕЛОВ. Очень важно с таким предложением выступить до выборов в Америке, поэтому и откладывать нельзя.

ГРОМЫКО. Я говорю, что, может быть, отложить на несколько месяцев. Вот будет у нас Эйзенхауэр, поэтому может быть в пределах возможного отложить, послушать, что они скажут на наше предложение о всеобщем и полном разоружении. Я говорю с тех позиций, чтобы не

^а В документе ошибочно: «Гейтсл».

продешевить. Я только против того, чтобы не исчерпать того, что мы внесли.

МИКОЯН. Здесь не может быть двух мнений. Сегодня положение совсем другое, чем год-два или пять лет тому назад. Важно здесь тактическое положение — когда и где сделать такое заявление? Может быть, это сделать в конце, когда исчерпаются все возможности. В выступлении Громыко есть очень серьезный момент, который заслуживает внимания. Программа эта сильная. Если мы не исчерпаем, не испытаем взрывную силу этого документа сразу, может быть, надо дать срок — март, апрель, май, — когда вокруг этого предложения мы размотаем все, а потом скажем (с Эйзенхауэром поговорим), потом, может быть, сделать выступление на пресс-конференции о том, что Совещание в верхах и все комиссии уперлись в тупик, ничего не делают. Наше правительство делает такое выступление.

Я считаю, что наш документ надо исчерпать до конца для того, чтобы использовать его на 100% для пропаганды и для того, чтобы дать возможность противникам высказаться. Мы трибуну всегда найдем. Верховный Совет не подходит. Нам могут сказать — чего вы нас спрашиваете, мы согласны.

ХРУЩЕВ. Мы же повторяем решение и таким образом Верховный Совет — законодательный орган, превратим в пропагандистский.

МИКОЯН. Два-три месяца может быть подождать. Если мы увидим, что ничего нет, тогда может быть стоит подумать и зацепку такую дать — была беседа с Эйзенхауэром, с де Голлем, и вот как конечный результат, сделать такое выступление. Трибуну мы найдем.

Сказать надо будет так, что правительство, после встреч таких-то, хочет вывести из тупика и выдвигает такое предложение. Тогда мы двинем, и новая волна пойдет на второе полугодие.

ЗОРИН. Я думаю, что предложение, которое Вы вносите, его нужно понимать в рамках всеобщего и полного разоружения. Речь идет о том — с чего начинать.

МИКОЯН. С конца или с начала. Мы сейчас с конца начинаем.

ЗОРИН. На последнем этапе мы предлагаем уничтожение всех видов ядерного оружия. Наша программа в принципе предполагает принятие всеобщего и полного разоружения, но зато усиливает нашу позицию с точки зрения нажима на практическое осуществление ее уже сейчас.

ХРУЩЕВ. Мы перестраиваем свои ряды перед наступлением.

ЗОРИН. В этих рамках мы не исчерпываем свои позиции, а будем и дальше использовать свои позиции в пределах всеобщего и полного разоружения. Вы не хотите начинать с сокращения вооруженных сил, мы готовы начинать с ракет.

ХРУЩЕВ. Они начинают упрекать нас, что мы не хотим уничтожить самые сильные средства, в чем мы сильны. А мы им говорим: Давайте...

МИКОЯН. Пока это в прессе, а правительство пока не сказало этого.

ГРОМЫКО. Наоборот, идею поддержали.

ЗОРИН. Их позиция в основном выяснится в течение 10-12 дней. Они сейчас занимают позицию, это сразу видно, будут критиковать нас под этим углом зрения.

ХРУЩЕВ. Правда, логики тут нет, но когда-то в первые дни революции я агитировал за коммуны. Все тогда были за коммуны, не понимали, так же как сейчас китайцы. Вот крестьянин мне говорит: «Что ж, коммуна (я был в шляпе и в галстук), ты шляпу имеешь, а я ее не имею. Давай мне свою шляпу». Я снимаю шляпу и говорю: «Бери, а мне давай твою кобылу». Он говорит: «А ну тебя к черту». У меня ведь кобылы-то не было. Так мы и не сошлись. (Смех.)

АРИСТОВ. Я за то, чтобы Францию как можно ближе приблизить, чтобы потом в ООН иметь два голоса, а не один.

ХРУЩЕВ. Заранее говорю, что вы этого не получите. Де Голль настолько реакционный человек, что он не пойдет на это. Как он может пойти на это, когда он ненавидит коммунистов больше всех.

МИКОЯН. Он будет лавировать, но никогда на нашу сторону не перейдет.

ХРУЩЕВ. Он нас хочет поймать, а мы его. Когда он разберется и когда мы разберемся, то каждый останется на своей стороне. Он никогда нашим союзником не будет.

АРИСТОВ. Поймать его на этом деле надо.

ХРУЩЕВ. Что значит поймать?

АРИСТОВ. Чтобы он высказался, нам нужна зацепка.

ХРУЩЕВ. Я сказал, что это импонирует ему, но у него нет ракет, нет атомных зарядов. Нам это выгодно, но не это главное. Мы это учитываем, с этого я и начал. Нам нужна Америка, даже не Англия, а Америка. Если де Голль согласится, а Америка не согласится – ничего не изменится. У де Голля ничего нет; де Голль гол как сокол, ему уничтожать нечего, кроме своих штанов. Он реальной силы не представляет. Но раз он заавансировался, мы такую позицию выдвигаем, и она совпадает с позицией де Голля. Но де Голль главного голоса не имеет, потому что у него ни ракет, ни бомб нет.

В этом вопросе де Голль не будет против Америки, иначе против него будет буржуазная Франция, его не поддержит правительство. Вот сейчас в Алжире кричат «де Голля на виселицу». А потом его выгонят и даже могут повесить.

Вы согласны с моим предложением, что эта вторая наша позиция сильнее первой. Но она сильнее потому, что первую позицию выставили, и против нее начался обстрел. Сейчас мы вводим в бой главный резерв, причем сильный резерв.

Давайте поручим МИДу разработать эту позицию. Во-первых, надо улучшить старую схему, переработать ее, она сделана примитивно; если не примитивно, то лениво, чувствуется, что здесь, как следует не поработали, не подумали.

МИКОЯН. Творческих целей не было поставлено. Надо подробно разработать тактику, аргументацию. И вторую позицию надо разработать. Срок – неделя. Через неделю дайте предложения о двух позициях – первой и второй.

Мы посмотрим, и если нам будет нужно, мы всегда найдем возможность и на пресс-конференции, и на активе, и на собрании это изложить. Это самое легкое дело, лишь бы хорошо разработано было.

МИКОЯН. Было бы что сказать, а где сказать – найдем.

ХРУЩЕВ. Эта мне очень понравилась. Она сильнее. Почему получилась сильнее после нашего предложения о всеобщем разоружении? Я за-

ранее предвижу, что они скажут об этом. Мы знаем из секретных документов. Они эти позиции уже изложили через печать. Ведь это не журналисты сами пишут, а журналисты пишут о том, что думают правительства. Нужно ли нам затягивать?

ГОЛОСА. Нет.

ХРУЩЕВ. Я думаю, что прав Брежнев. В былое время приехал Молотов и говорил – давайте признаем голосование насчет воссоединения Германии. Тогда мы ему сказали, что это сделать невозможно. Он говорит – я с вами согласен, но это нужно сделать по тактическим соображениям. Мы ему тогда сказали, что так нельзя делать по тактическим соображениям. Это серьезное положение. Это честное предложение. Пожалуйста, мы согласны. Мы предлагали, но тогда мы были в другом качестве. Тогда они считали, что сильнее нас в этих вопросах. Теперь они сами считают, что мы сильнее, и мы предлагаем это.

КОСЫГИН. Возражать здесь будет трудно.

ХРУЩЕВ. Мы запугивали людей этим оружием и теперь говорим – давайте его уничтожим.

КОНЕВ. Одна мелочь – атомная артиллерия.

ХРУЩЕВ. Это все средство доставки. Если мы говорим – средства доставки, – так говорим о всех средствах доставки и об атомной артиллерии.

Таким образом, я думаю, дадим дней семь для того, чтобы поработать еще и 7–8 февраля представить документ. Я думаю, что можно записать так:

«Предложить МИД СССР (т. Громыко) и Министерству обороны (т. Малиновскому) на основе обмена мнениями проработать внесенные МИД предложения с учетом предложений, внесенных товарищем Хрущевым по второй позиции».

Ф. 3. Оп. 12. Д. 999. Л. 1–30. Неправленая стенограмма. Машинопись.

№ 212

Протокол № 263^a.

Заседание 9 февраля 1960 г.¹

VI°. Информация о поездке гг. Ворошилова, Козлова и Фурцевой в Индию².

Ворошилов, Козлов, Фурцева.

Тов. Козлов говорит об итогах поездки в Индию. Некоторые недоразумения. Во время беседы с Неру т. Ворошилов оборвал беседу.

О приеме китайского посла.

(т. Ворошилов, не посоветовавшись, принял посла).

^a Номер протокола, дата заседания и формулировка вопроса – машинопись.

^o Номер пункта протокола вписан карандашом вместо машинописного «1».